

— Брат Цзычжоу, этого хватит? — Е Цзюньчжи утер пот со лба и с сияющими глазами продемонстрировал результат своих трудов.

Е Цзюньшу, задумчиво потирая подбородок, окинул взглядом добычу. Под напряженным и полным надежды взором мальчишки он удовлетворенно кивнул:

— Вполне. Передай от меня спасибо своим друзьям.

В углу двора высилась куча просушенного мелкого песка. Песчинка к песчинке — мягкий, чистый, без единого камешка. Видно было, что выбирали его с особой тщательностью. Весь этот песок Ачжи со своими приятелями натаскал с реки.

Е Цзюньчжи хекнул и довольно почесал затылок:

— Брат Цзычжоу, ну когда уже занятия? Ребята вовсю рвутся учиться! Я сказал Сань-ши, что уже знаю четыре больших иероглифа, так он чуть от зависти не лопнул!

Ачжи уже успел похвастаться перед друзьями своими умениями, и те смотрели на него с нескрываемым восхищением. Чувствуя себя невероятно важным, он по первому же зову товарищей вызвался разведать обстановку.

— Скоро, — ответил Е Цзюньшу, оглядывая заготовленные вещи.

Селяне оказались на редкость расторопными: стоило ему только озвучить задумку, как на следующий же день во двор притащили целую гору деревянных рамок.

Раз бумаги для письма не было, пришлось выкручиваться. Решение Е Цзюньшу нашел простое и изящное: деревянные дощечки с невысокими бортиками по краям. Насыпаешь слой мелкого песка, берешь веточку — и пиши сколько влезет. А закончил — провел ладонью, и поверхность снова чистая. Удобно, практично и, главное, не стоит ни гроша — только немного ручного труда. Теперь оставалось лишь дожидаться столов и скамеек.

По прикидкам Е Цзюньшу, учеников вряд ли будет слишком много. В деревне Е около двухсот дворов. Детей подходящего возраста — от шести до пятнадцати лет — наберется человек сорок-пятьдесят, но вряд ли придут все. Так что он рассчитывал максимум на двадцать-тридцать сорванцов.

Если он всё рассчитал верно, староста должен заглянуть к нему со дня на день, чтобы окончательно назначить дату начала уроков.

Цзюньшу всё обдумывал и обдумывал своё положение, приходя к выводу, что ему кровь из носу нужно сходить в горы еще один разок. Как только начнется учеба, времени на лесные вылазки у него совсем не останется.

«Интересно, дядя Ли сейчас дома?..»

После того как Лу-гэр окончательно поправился, он стал словно радостная пчелка, хлопотал по дому, делая всё, что было ему под силу. А маленький Цинь-гэр, в свою очередь, переметнулся от Сяо Шаня и теперь хвостиком ходил за Лу-гэром.

В эти дни жители деревни — кто поодиночке, кто группами — постоянно что-то приносили. Кто мешочек муки, кто яйца, кто соленья или сушеные овощи, а кто и специи... Приносили то, что было по карману каждой семье, но в итоге запасы скопились весьма приличные.

Самым любимым занятием Лу-гэра теперь стал пересчет добра в амбаре и на кухне. Каждый раз после такой ревизии он, словно запасливый хомячок, довольно щурился и тихонько хихикал в кулак.

С близнецами пока проблем не возникало: под присмотром Сяо Шаня и Ачжи за них можно было не беспокоиться. Е Цзюньшу как раз собрался было выйти за порог, когда во двор вошел дядя Фан, неся на коромысле две огромные вязанки дров.

Е Цзюньшу замер на месте.

Дядя Фан с добродушным видом поздоровался:

— Чжоу-цзы, никак уходишь куда?

— Да вот, собирался... Дядя Фан, ну зачем вы снова дрова притащили? Вы же за эти два дня столько нанесли, я больше принять не могу! — Цзюньшу принялся настойчиво отказываться.

Он понимал, что семья Фана живет бедно и у них нет лишнего зерна или муки, поэтому они стараются отблагодарить трудом. Е Цзюньшу знал: не прими он дрова, дядя Фан побоится присылать детей на учебу, поэтому поначалу не возражал. Но он никак не ожидал такого рвения — на кухне уже выросла целая стена из аккуратно наколотых поленьев.

Е Цзюньшу даже покраснел — ему было по-настоящему неловко. Совесть твердила, что он не заслужил такой щедрости, и в этот раз он решил стоять на своем и не принимать подношение.

— Эти дрова — сущая мелочь, — отмахнулся дядя Фан. — Вы же совсем крохи, как вам самим в горы за хворостом ходить? У меня сил в избытке, а в лесу валежника полно. Послушай, когда придут холода, эти поленья для кана — самое милое дело. Горят долго, жарко, не придется среди ночи вскакивать и подбрасывать.

— Но эти дрова в уезде денег стоят! Моя семья просто не может брать столько. Дядя Фан, забирайте их назад, — настаивал Е Цзюньшу.

Он знал, что Фан часто возит дрова на продажу в город: дерево у него всегда сухое, аккуратно порубленное, и спрос на него отличный. К тому же, в глазах Цзюньшу эти дрова были не менее ценны, чем еда. Его маленькая семья зимой без тепла не выживет, и дрова им были жизненно необходимы. Сам он своими слабыми ручонками много не нарубит, он даже подумывал позже выкроить денег и купить их...

— Да копейки это, — упорствовал Фан. — Если ты не возьмешь, Чжоу-цзы, мне будет совестно в глаза тебе смотреть...

Е Цзюньшу понял, что спорить бесполезно, и сдался:

— Ладно. Но это в последний раз! Если принесете еще хоть щепку — я рассержусь, так и знайте, — он нарочно насупил и строго посмотрел на мужчину.

Дядя Фан открыто рассмеялся, занес тяжелые коромысла во двор и аккуратно сложил поленья под навесом кухни.

— Хорошо-хорошо, только в этот раз, обещаю!

Помогая укладывать дрова, Е Цзюньшу заметил:

— Через пару дней, думаю, будут точные новости. Как начну занятия, пусть Да Шуань и Сяо Шуань приходят. Младшему ведь уже шесть? Самое время учить буквы.

Фан хотел было возразить — он считал, что за его охапку дров даже одного сына прислать было бы наглостью, а тут двоих!

Но Е Цзюньшу отрезал, не допуская возражений:

— Если я не увижу обоих братьев на уроке, я велю вернуть вам все ваши дрова до последнего полена.

Дядя Фан замолчал. Сложив дрова, он не стал задерживаться и вскоре ушел. Е Цзюньшу заглянул в дом — дети вели себя смирно, и он снова собрался в путь.

Однако день явно не задался для прогулок. Не успел он сделать и пары шагов, как нос к носу столкнулся с человеком, несущим корзины на коромысле.

На этот раз Е Цзюньшу был искренне поражен:

— Дядя?! (Цзюцзю — брат матери/аму)

— Цзычжоу! — Завидев племянника, которого не видел вечность, тот прибавил шагу. Выглядел дядя изнуренным и запыленным, но при виде мальчика его лицо просветлело, а усталость словно рукой сняло.

Дом дяди находился порядочно далеко: хоть и в том же уезде, но на разных концах. В те времена, когда транспорт был роскошью, на ослиной повозке пришлось бы трястись сутки напролет. Раз дядя пришел так рано, значит, шел всю ночь. Е Цзюньшу заметил красные прожилки в его глазах и темные круги — дядя явно не смыкал глаз в пути. Вся былая отстраненность и обида в душе Цзюньшу мгновенно испарились.

— Дядя, вы наконец-то пришли!

— Цзычжоу, прости... Дядя опоздал... — Взрослый, крепкий мужчина вдруг не выдержал и расплакался прямо перед подростком.

У Е Цзюньшу защемило в груди. Память двух жизней хранила теплые чувства к этому человеку, но глубоко запрятанная горечь заставила его невольно спросить:

— Почему вы только сейчас пришли?

Блиzkих родственников у них почти не осталось. Отец Е был единственным сыном, так что дядьев по отцовской линии не было. Единственной родной кровью был брат их аму. И именно эти люди не пришли на помощь и даже не прислали соболезнований, когда отец Е ушел из жизни. Когда из деревни послали известие о смерти, пришел ответ: «Разгар полевых работ, времени нет».

Деревенские при детях молчали, но за спиной шептались: мол, после смерти Е-девятого родня со стороны аму оборвала все связи, боясь, что сироты станут для них обузой. Е Цзюньшу как-то случайно услышал это и решил, что вайпо (бабушка по матери) и дядя действительно сочли их лишним грузом...

— Прости... — сорокалетний мужчина рыдал навзрыд перед двенадцатилетним мальчиком. Он

дрожал всем телом, губы его кривились, а взгляд был полон такого стыда, что он не смел поднять глаз.

Е Цзюньшу был слишком проницателен, чтобы не понять — тут кроется какая-то тайна. Он и сам не верил, что вайпо (бабушка по матери) и дядя, которые всегда были так добры к ним, могли в одночасье стать чужими.

Он хотел было расспросить подробнее, как вдруг раздался резкий, язвительный голос:

— Ой, какие гости! Неужто и впрямь дядя Е-девятой пожаловал? А я-то не поверил, когда жена Седьмого мне сказал! Думала, гэр еще молодой, а глаза уже подводят!

В деревне Е всех мужчин поколения отца называли по порядковому номеру в родословной. Отца Цзюньшу звали Е-девятым. В поколении же «Цзюнь» детей было так много, что счет шел на пятый десяток, поэтому порядковые номера давали только внутри каждой семьи.

— Мин-аму... — окликнул подошедшего соседа Е Цзюньшу. В его взгляде была мольба.

Дядя и так был готов сквозь землю провалиться от стыда. Цзюньшу понимал, что Мин-аму просто не может сдержать гнева, вступаясь за них, но, судя по всему, у дяди действительно была веская причина.

Мин-аму недовольно зыркнул на Е Цзюньшу, но в глубине души понимал: это единственная живая родня мальчика. Если можно наладить отношения — лучше наладить, если только не собираешься враждовать до гроба. Пришлось сменить гнев на милость.

— Раз дядя проделал такой путь, что же ты его на пороге держишь? Зови в дом, нечего соседей смешить.

— Дядя, идемте в дом, — быстро сказал Е Цзюньшу.

— Иду, — отозвался тот, подхватил коромысло и вошел вслед за племянником.

Мин-аму, будучи посторонним, заходить не стал, лишь бросил на ходу: «Понадоблюсь — зови».

В главной комнате Е Цзюньшу поспешил налить гостю воды. Он заметил, что губы дяди потрескались от жажды — видно, он не пил много часов. Дядя осушил две большие чашки подряд, прежде чем перевел дух.

Дети, услышав шум, выбежали из комнат. Е Цзюньшу велел им поздороваться. Но послушные обычно ребята вдруг заупрямились. Лу-гэр мельком глянул на дядю, не проронил ни слова и, схватив за руку Цинь-гэра, убежал прочь. Сяо Шань из вежливости буркнул приветствие и тоже скрылся с глаз.

Е Цзюньшу неловко пояснил:

— Они еще маленькие, память короткая... наверное, подзабыли дядю... — Оправдание звучало натянуто.

Раньше Сяо Шань и Лу-гэр обожали дядю и хвостиком ходили за ним, когда аму брал их в гости. Всего полгода разлуки — и такая холодность.

Дядя помрачнел. Он не винил детей за обиду — его не было рядом, когда он был им нужнее всего.

Е Цзюньшу поспешил сменить тему: — Дядя, а как вайпо?

— Дома... Дома дел невпроворот, не смог он... — запинаясь, объяснил дядя.

— Понятно... Он здоров?

— Здоров.

Наступила тяжелая тишина. Дядя нервно потер руки и, запинаясь, выдавил:

— Цзычжоу, я... могу я зажечь благовония для зятя и брата?

Е Цзюньшу помедлил секунду и ответил:

— Конечно.

<http://bllate.org/book/15226/1343863>